

Ксенофобы и их антиподы: кто они?¹

В.И. МУКОМЕЛЬ*

***Владимир Изявич Мукомель** – доктор социологических наук, главный научный сотрудник, руководитель сектора изучения миграционных и интеграционных процессов, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. E-mail: mukomel@isras.ru

Цитирование: Мукомель В.И. (2017) Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. Т. 26. № 1. С. 32–57

Ключевой вопрос, рассматриваемый в статье – что из себя представляют носители ксенофобных настроений и их антиподы, устойчиво артикулирующие толерантное отношение к “иным”. Эмпирической базой для анализа являлись данные 24-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» (RLMS-HSE) (октябрь 2015 г. – январь 2016 г.) и результаты качественных исследований Института социологии РАН в пяти регионах России в 2015 г.

Анализируются социально-демографические профили, экономический, человеческий, социальный капиталы, уровень доверия, структуры идентичностей четырех выделенных групп респондентов (толерантных, колеблющихся, гипointолерантных и гиперинтолерантных). Показано, что приверженцев интолерантных установок, особенно гиперинтолерантных, характеризует низкий уровень человеческого капитала, нежелание или неготовность к инвестициям в него, небольшой социальный капитал, в результате у них формируются установки недоверия, специфическая структура идентичностей. Неуверенность и социальные страхи способствуют появлению у индивида ксенофобных установок, порождающих раздражения и фрустрации и дающих ему четкие социальные ориентиры в пространстве «свои-чужие».

Ключевые слова: ксенофобия, толерантность, интолерантность, гиперинтолерантные, гипointолерантные, националисты, установки, доверие, идентичности

¹ Статья выполнена в рамках проекта РФФ «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений» (грант № 15-18-00138).

Предисловие

Согласно результатам опросов ведущих социологических центров, в 2014–2016 гг. в российском обществе отмечался спад ксенофобных настроений: по данным «Левада-Центра», в 2015 и 2016 гг. зафиксирован минимальный уровень поддержки слогана 2000-х гг. «Россия для русских» [Общественное мнение-2015, с. 198; *Пития* 2016]. Проблема межнациональных отношений, как отмечалось в исследованиях, ныне не входит в число первоочередных, вызывающих озабоченность обывателей [Страхи и тревоги 2016; *Горшков* 2016, с. 426–429].

Ксенофобия направлена в первую очередь на представителей мигрантских меньшинств, не привычных для конкретной местности. Мигрантофобии следуют тренду снижения ксенофобии: если в октябре 2013 г. на фоне предвыборной кампании мэра Москвы, событий на Матвеевском рынке и в Бирюлеве Западном 81% опрошенных выступали за ограничение проживания на территории России представителей тех или иных национальностей, то в августе 2016 г. такую позицию поддерживали 70% респондентов [*Пития* 2016]. Население стало лояльнее относиться к мигрантам: в 2015 г. доля сторонников легализации незаконных мигрантов, помощи в поиске работы и «ассимиляции» практически сравнялась с долей сторонников их выдворения за пределы России, при том, что еще в 2014 г. соотношение было 1:3, а в 2013 г. – 1:5 [*Пития* 2015, с. 4, 5].

Переоценивать тренд снижения *ксенофобии* не следует². Во-первых, он отчасти ситуативен и определяется переключением внимания общества на других «врагов», трансформацией информационных потоков, концентрирующих внимание на внешнеполитических событиях³. Во-вторых, было бы странно, если бы в условиях рецессии, резкого ухудшения материального положения большинства россиян не актуализировались проблемы выживания, адаптации к новым экономическим реалиям. В-третьих, в 2015–2016 гг. снизился приток трудовых мигрантов в России, особенно по ключевым среднеазиатским направлениям: численность иностранных граждан, получивших разрешительные документы для трудоустройства, уменьшилась почти вдвое. В-четвертых, определенный эффект возымело более пристальное внимание правоохранительных органов к проявлениям ксенофобных настроений.

Однако все вышеназванные обстоятельства имеют конъюнктурный характер и могут развернуть тренд ксенофобии в любой момент. Пожалуй, единственный долгосрочный фактор, отмечаемый принимающим населением, – это привыкание к представителям «видимых меньшинств» в ходе контактов с ними и адаптацией последних к локальному социуму [*Мукомель* 2016, с. 428–429]. Присутствие мигрантов на рынке труда становится привычным и социально одобряемым: в марте 2016 г. 53% респондентов позитивно относились к использованию труда мигрантов в коммунальном хозяйстве (39% против), 50% – в сфере услуг (38% против). Кроме этого, в последние годы россияне стали более лояльно относиться и к присутствию мигрантов в таких отраслях, как образование и медицина⁴.

² Ниже речь пойдет преимущественно о таких формах ксенофобии, как этно- и мигрантофобии.

³ О влиянии СМИ на уровень межнациональной напряженности см.: [*Черныш* 2015, с. 17–32].

⁴ Опрос ВЦИОМ, 12–13 марта 2016 г., 1600 респондентов в 130 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России [Мигранты на российском рынке 2016].

Однако часть населения все же не приемлет представителей иных национальностей как таковых: в августе 2016 г. 18% респондентов полагали, что следует ограничить проживание на территории страны «всех наций, кроме русской». Лимитировать проживание в России «выходцев с Кавказа» считали необходимым 34% респондентов, приехавших из бывших среднеазиатских республик СССР – 29%, китайцев – 24%, вьетнамцев – 19%, украинцев – 13%, лишь пятая часть опрошенных выступали против ограничений на проживание людей других национальностей. Несмотря на фиксируемое снижение мигрантофобий, запас прочности изоляционистских установок чрезвычайно велик: 2/3 опрошенных специалистами «Левада-Центра» респондентов выступают против миграционного притока в страну, и только четверть населения считает, что не надо ставить никаких административных барьеров для мигрантов [Липня 2016].

Ксенофобия не сходит на «нет»: она принимает латентные формы, не фиксируемые в публичном пространстве, но весьма заметные в пространстве виртуальном, проявляясь в устойчивой настороженности к представителям отдельных «видимых меньшинств». Россияне негативно относятся к выходцам из Средней Азии, Юго-Восточной Азии, Северного Кавказа, Закавказья, при этом отношение к выходцам из Белоруссии, Украины и Молдовы более толерантно.

Разграничение на «желательных» и «нежелательных» мигрантов прочно укоренилось в общественном сознании, при том, что многие люди не различают представителей разных национальностей (один из наиболее популярных ответов – «они все на одно лицо»). Претензии и фобии принимающего населения многократно описаны. Основные опасения – размывание и утрата идентичности в связи притоком «иных», представителей других культур и т.д.⁵

Существуют более или менее устойчивые представления о психологических характеристиках толерантных и интолерантных личностей, базирующиеся на работе Г. Оллпорта «Природа предубеждения» [Allport 1954/1979]⁶. Правда, к полувековому юбилею выхода этой классической работы в книге с симптоматичным названием «О природе предубеждения. Пятьдесят лет после Оллпорта» справедливо указывается, что Г. Оллпорт пропустил важные аспекты природы предубеждения, т.к. его взгляды «были лимитированы не только ограниченной эмпирической базой, но и сложившимися социальными представлениями и ценностями» [Dovidio, Glick, Rudman 2005, pp. 9–10]⁷.

Но ключевым остается вопрос: что из себя представляют носители этих ксенофобных настроений? Не с точки зрения их психологии (которая, разумеется, крайне важна), а с точки зрения их встроенности в общество и локальные социумы. Каково их место в социальной повседневности, как они живут, работают, чем дышат? Кто они? На сегодняшний день существуют две альтернативные точки зрения: ксенофобия, расползаясь, равномерно поражает все слои российского общества [Леонова 2004], и ксенофобия как удел маргиналов, более интенсивно распространяющаяся в низших социальных слоях [Кон б.г.; Дробижева (2) 2013, с. 279]. Что из себя представляют антиподы ксенофобов – та четверть респондентов, которая устойчиво артикулируют толерантное отношение к «иным»? Чем различаются толерантные и интолерантные росси-

⁵ Хотя в претензиях к «иным» представителям разных социальных слоев имеются определенные нюансы [Мукомель 2016, с. 438–443].

⁶ Психологическая типология личности в континууме «толерантность-интолерантность» в интерпретации Г. Оллпорта вкратце изложена Г.У. Солдатовой [Солдатова 2001, с. 19].

⁷ Также имеются представления о социально-психологических факторах формирования толерантных и интолерантных установок, обзор которых см.: [Лебедева 2011, с. 281–285].

яне: социально-демографическими характеристиками, размерами капитала (человеческого, социального, экономического), насколько значимы различия в уровне доверия, в структуре их идентичностей, или решающую роль играет их психологическое состояние? Это лишь первый пласт вопросов. Вторым – на какие этнические группы направлена ксенофобия, кто вызывает наибольшее отторжение? Третий пласт вопросов возникает вследствие того, что при очевидной корреляции между этно- и мигрантофобиями это все же разные, хотя и пересекающиеся множества. Судя по опросам, интолерантное отношение к представителям тех или иных национальностей выказывается респондентами все же реже, чем отторжение мигрантов. Кто же те люди, которые возмущаются при упреке в ксенофобии, но не при обвинении в мигрантофобии? Интуитивно понятная большая лояльность российского общества к мигрантофобиям частично объясняется тем, что мигранты – это иностранцы, чьи права можно не обсуждать.

Поиску ответов на первую часть вопросов и посвящена настоящая статья. Она базируется на исследовании в рамках проекта «Социально-экономические и социально-культурные предпосылки напряжений и конфликтов в сфере межнациональных отношений», поддержанного Российским научным фондом. Эмпирической базой для анализа являлись данные 24-й волны «Российского мониторинга экономики и здоровья населения» (RLMS-HSE) [Российский мониторинг экономического положения (1) 2016] (выборка – 15 118 респондентов), а также результаты качественных исследований в пяти регионах России в 2015 г. [Черныш 2015].

Критерии измерения уровня этнической толерантности/интолерантности

Для измерения уровня этнической интолерантности респондентов использовались следующие критерии: недоверие к людям другой национальности; распространение стереотипа или негативного личного опыта на всю этническую группу (представления о том, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу»); неуважение других национальностей. На основании указанных критериев были отобраны четыре группы респондентов: *толерантные, колеблющиеся, интолерантные* (среди последних выделялись *гипоинтолерантные и гиперинтолерантные*).

К *толерантным* отнесены те, кто отвечает всем следующим условиям: доверяют всем людям (или большинству людей) других национальностей; совсем (или в основном) не согласны с тезисом, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу»; совсем (или в основном) не согласны с тезисом, что «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете»⁸.

К *интолерантным*, напротив, причислены те, кто не доверяет никому (или доверяет меньшинству) среди людей других национальностей, полностью (или в основном) согласен, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу», полностью (или в основном) солидарен,

⁸ Вопросы специального блока, включенного в 24-ю волну (раздел J) RLMS-HSE [Российский мониторинг экономического положения (2) 2016].

что «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете». Поскольку группа *интолерантных* достаточно многочисленна, в ней были выделены две подгруппы: *гипоинтолерантных* (умеренно интолерантных) и *гиперинтолерантных* (сверхинтолерантных). К *гипоинтолерантным* отнесены те, кто придерживается жесткой позиции, но не по всем вопросам, в отличие от гиперинтолерантных. К *гиперинтолерантным* причислены придерживающиеся наиболее жесткого восприятия «иных»: не доверяющие никому среди людей других национальностей; полностью согласные, что «некоторые национальности отличаются агрессией и склонностью к криминалу»; полностью поддержавшие тезис, что «в мире есть национальности, которые Вы не уважаете».

К *колеблющимся* (занимающим неустойчивую позицию) отнесены все, не вошедшие в группы *толерантных* и *интолерантных*.

Распределение респондентов на группы по уровню этнической толерантности выстроилось следующим образом: *толерантные* – 4,8% респондентов, *интолерантные* – 16,8% (в т.ч. *гипоинтолерантные* – 13,2%, *гиперинтолерантные* – 3,6%), *колеблющиеся* – 78,4%⁹.

Социально-демографические профили

Ксенофобные установки в разной степени распространены в различных социально-демографических группах. И первое, на что следует обратить внимание, – более выраженная толерантность женщин по сравнению с мужчинами (*таблица 1*). Этот вывод понятен и тривиален: мужчины, как правило, в социальной жизни активнее, для них менее характерна эмпатия, они склонны к резким суждениям и действиям, поэтому достаточно сложно спорить с мнением о «своеобразии мужской и женской субкультуры в отношении толерантных установок к представителям других национальностей» [*Зинченко, Логинов 2011, с. 342*].

Второе: среди выказывающих толерантные установки больше представлены старшие возраста – люди, выросшие в советское время и ностальгирующие о дружбе народов. И, напротив, среди гиперинтолерантных чаще можно встретить лиц младшего и среднего возраста. Особенно выделяется когорта 25–29-летних, социализация которых пришлась на 2000-е гг.: среди толерантных респондентов лица этого возраста составляют 10,6%, среди гиперинтолерантных – 15,0%.

Третье: среди приверженцев ксенофобных установок чаще встречаются лица, семейное положение которых неустойчиво: если среди толерантных 10,4% живут в незарегистрированном браке, то среди гипоинтолерантных – 12,6%, среди гиперинтолерантных – 14,5%; среди толерантных меньше разведенных – 7,0% (против 8,2% среди гипоинтолерантных и 8,3% – среди гиперинтолерантных).

Четвертое: толерантные респонденты более образованны, чем приверженцы интолерантных установок.

⁹ Данное распределение достаточно условно, т.к. определено избранными типологическими критериями; при более мягких критериях крайние группы континуума *толерантные-колеблющиеся-гипоинтолерантные-гиперинтолерантные* будут более наполнены. Однако, исходя из задач исследования, уместнее использовать более жесткие критерии, позволяющие более четко выделить ядро крайних групп спектра.

Таблица 1. Основные социально-демографические характеристики разных групп респондентов, %¹⁰

Характеристики		Толерантные	Коллеблющиеся	Гипонитолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Мужчины		40,8	41,5	46,6	50,6	42,5
Женщины		59,2	58,5	53,4	49,4	57,5
Возраст, лет	До 20	2,6	2,7	1,7	1,5	2,5
	20–29	18,9	17,3	18,9	22,9	17,8
	30–39	19,7	20,4	22,1	21,7	20,6
	40–49	19,8	16,6	17,1	18,1	16,9
	50–59	15,6	16,4	16,5	15,2	16,3
	60 и старше	23,4	26,7	23,7	20,6	25,9
Семейное положение	Никогда не состоявшие в браке	19,2	18,9	16,8	16,1	18,5
	Состоящие в браке (включая гражданский и религиозный)	62,4	61,0	64,2	66,5	61,7
	Вдовы, разведенные	18,3	20,1	19,0	17,4	19,8
Законченное образование	Начальное и незаконченное среднее	15,3	20,5	19,3	17,7	20,0
	Среднее общее	28,6	29,0	28,1	34,0	29,1
	Среднее специальное / профессиональное	23,6	25,2	26,9	28,6	25,5
	Высшее	32,5	25,3	25,7	19,7	25,5

¹⁰ Здесь и во всех таблицах ниже, если не оговорено иное, значение критерия χ^2 Пирсона $p < 0,001$.

Работа, материальное положение

Интолерантные респонденты, и в особенности гиперинтолерантные, почти в полтора раза реже встречаются в квалифицированных профессиональных группах, в отличие от их толерантных антиподов. И, напротив, среди приверженцев интолерантных установок можно чаще встретить рабочих, прежде всего неквалифицированных (таблица 2).

Установки толерантности/интолерантности работников, принадлежащих к разным профессиональным группам, различаются весьма существенно, что наиболее заметно при сравнении достаточно однородных групп высококвалифицированных специалистов и неквалифицированных рабочих (таблица 3). Специалисты высшего уровня квалификации в 2,1 раза чаще выражают толерантные установки (6,7%), чем неквалифицированные рабочие (3,0%). Последние в 2,3 раза чаще встречаются в группе гиперинтолерантных (10,2 против 4,3% - таблица 2).

Таблица 2. Принадлежность к группам занятий респондентов с разными установками толерантности, %

Профессиональные группы ¹¹	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Группы 1–3. Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена; специалисты высшей и средней квалификации	51,9	45,6	40,3	35,8	44,8
Группы 4–5. Служащие офисные и по обслуживанию клиентов; работники сферы торговли и услуг	19,7	22,2	23,8	23,6	22,4
Группы 7–8. Квалифицированные рабочие	23,6	24,9	27,4	29,2	25,3
Группа 9. Неквалифицированные рабочие	4,3	6,7	7,7	10,2	6,9
Всего (Группы 0–9)	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: без малочисленных групп («0» – военнослужащие, «б» – квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыболовства).

Таблица 3. Установки толерантности высококвалифицированных специалистов и неквалифицированных рабочих, % ответивших

Профессиональная группа	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Всего
Высококвалифицированные специалисты	6,7	79,4	11,0	3,0	100,0
Неквалифицированные рабочие	3,2	74,9	16,0	5,9	100,0

¹¹ Группы занятий 1–3 по общероссийскому классификатору занятий ОК 010-2014 (российский аналог International Standard Classification of Occupations, ISCO-08).

У работников, выражающих интолерантные установки, удовлетворенность работой ниже, чем у толерантных респондентов, они менее представителей других групп удовлетворены условиями труда, возможностями профессионального роста и оплатой труда (таблица 4). Среди них удовлетворены своим заработком лишь 30,0%, тогда как неудовлетворенных – на треть больше (40,5%).

Таблица 4. Удовлетворенность работой (распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены...?», ответившие «полностью удовлетворены», «скорее удовлетворены»), % опрошенных

Удовлетворенность	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
работой в целом	77,5	64,5	59,0	55,5	64,0
условиями труда	75,0	63,2	58,6	56,7	62,8
оплатой труда	45,4	35,6	29,3	30,0	35,0
возможностями профессионального роста	58,7	46,5	44,5	39,3	46,6

И это при том, что они зарабатывают не меньше других: статистически значимых различий в оплате труда работников одного возраста, образования, занятых на схожих рабочих местах, не просматривается. Более того, заработки интолерантных респондентов даже несколько выше, чем у других. Вызвано это тем, что, несмотря на то, среди придерживающихся интолерантных установок меньше представлены хорошо зарабатывающие руководители и высококвалифицированные специалисты, а также более опытные и лучше оплачиваемые работающие пенсионеры, это компенсируется большей долей квалифицированных рабочих с высокими заработками и меньшей долей низкооплачиваемых специалистов средней квалификации. И это общая тенденция: интолерантные респонденты, судя по объективным характеристикам, находятся не в худшем материальном положении по сравнению с другими, а даже в несколько лучше. Среди них выше доля имеющих доходы выше медианных, а также имеющих самые высокие доходы (входящих в верхний квантиль). Однако это не столько вследствие реально существующих диспропорций в доходах, сколько из-за различного состава групп: среди толерантных больше представлены лица с низкими доходами – старшекласники, учащиеся системы профобразования, неработающие пенсионеры, домохозяйки, временно незанятые, но ищущие работу.

Недовольство своим материальным положением декларируют представители всех групп, однако самые недовольные – придерживающиеся ксенофобных установок. Если среди толерантных не удовлетворены своим материальным положением 46,0% респондентов (удовлетворены 34,8%), то среди гиперинтолерантных неудовлетворенных¹² – 71,4% (удовлетворенных – 15,2%), среди гипоинтолерантных – 64,9 и 18,1% соответственно, среди колеблющихся – 56,8 и 23,1% соответственно. Почти половина гиперинтолерантных (45,6%) «совсем не удовлетворены» материальным положением, тогда как среди толерантных – лишь 13,9%.

¹² К удовлетворенным отнесены ответившие «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены», к неудовлетворенным – «не очень удовлетворены» и «совсем не удовлетворены».

Приверженцы ксенофобных установок чаще фиксируют ухудшение своего материального положения: 44,5% сверхинтолерантных заявили, что материальное положение их семьи ухудшилось в течение года, предшествующего опросу (среди умеренно интолерантных – 34,3%, среди колеблющихся – 30,4%, среди толерантных – лишь 23,6%)¹³.

Свой материальный капитал, свое богатство интолерантные респонденты оценивают очень невысоко: почти половина из них считают себя бедными, тогда как среди толерантных таковых лишь каждый четвертый (таблица 5).

Выражающие ксенофобные установки респонденты существенно чаще выражают недовольство своим материальным положением: среди сверхинтолерантных, оценивающих свое благосостояние как небольшое, таковых 90,1% (против 69,8% среди толерантных респондентов, также критически оценивающих свое благосостояние). Тем не менее объективные основания для столь пессимистических оценок отсутствуют: различия между группами в возможностях респондентов улучшить свои жилищные условия, откладывать деньги на крупные покупки (машину, дачу), провести отпуск за границей статистически не значимы (хотя и фиксируется определенная диспропорция в возможностях оплачивать учебу ребенка в вузе).

Таблица 5. **Благосостояние, самооценка (ответы на вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, – богатые. На какой из 9 ступеней находитесь сегодня Вы лично?»), % опрошенных**

Богатство	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
небольшое (1–3 ступени)	24,9	34,9	42,6	48,4	36,0
среднее (4–6 ступени)	64,2	57,5	53,5	45,5	56,9
большое (7–9 ступени)	8,8	4,6	2,5	4,0	4,4
3/о, отказ, нет ответа	2,0	3,0	1,5	2,1	2,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Беспокойство относительно невозможности сохранить уровень благосостояния выказывают все, но наиболее остро это ощущают сторонники ксенофобных установок, представители других групп более оптимистично смотрят в будущее. Особо тревожит перспектива дальнейшего обнищания гиперинтолерантных: лишь каждый седьмой из них не выказывает тревогу, что не удастся сохранить имеющийся уровень благосостояния, не впасть в нищету, при этом более половины из них это «очень беспокоит» (таблица 6).

¹³ Социальные и экономические характеристики, установки колеблющихся и гипоинтолерантных практически всегда, кроме специально оговариваемых случаев, занимают промежуточное положение между толерантными и гиперинтолерантными.

Таблица 6. **Беспокойство по поводу возможного обнищания в ближайшем будущем (распределение ответов на вопрос «Насколько Вас беспокоит то, что Вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?»), % опрошенных**

	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Очень беспокоит	20,9	32,8	41,2	55,5	34,2
Немного беспокоит	43,4	33,5	31,6	23,0	33,4
И да, и нет	13,0	12,6	10,9	6,9	12,2
Не очень беспокоит	15,3	14,3	11,7	8,0	13,8
Совсем не беспокоит	7,1	5,6	4,4	6,3	5,5
З/о, отказ, нет ответа	0,4	1,2	0,2	0,4	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Опасения потерять работу распространены во всех группах, однако приверженцы ксенофобных установок наиболее остро ощущают это как проблему: безработица «очень беспокоит» 44,4% сверхинтолерантных (против 19,2% толерантных, 29,1% колеблющихся и 35,8% умеренно интолерантных)¹⁴. Они более пессимистично оценивают свою возможность найти работу, которая была бы не хуже нынешней: 47,5% гиперинтолерантных не уверены, что такое возможно (против 32,4% среди толерантных, 41,3% среди колеблющихся и 46,7% среди гипоинтолерантных).

Повышенная тревожность за свое материальное благополучие, боязнь обнищания, страхи потерять работу сторонников ксенофобных установок, находящихся не в худшем материальном положении, чем другие респонденты, отчасти обусловлены осознанием своих ограниченных возможностей приспособления к меняющейся обстановке на рынке труда в силу недостаточного образования. Если среди толерантных работников с доходами свыше 30 тыс. руб.¹⁵ 53,0% имеют высшее образование, то среди гиперинтолерантных – только 28,7%. Более трети гиперинтолерантных с высокими заработками (35,2%) имеют среднее образование или ниже среднего; среди них значительная часть – рабочие (38,9%), и лишь 35,8% – руководители, специалисты высшей и средней квалификации (против 51,8% среди толерантных). Относительная депривация характерна даже для материально обеспеченных приверженцев ксенофобных установок, ограниченных в своих возможностях конвертации человеческого капитала в материальный и осознающих, что они достигли планки, которую им не переступить.

¹⁴ Такого рода настроения характерны даже для тех гиперинтолерантных, которые имеют самые высокие доходы. Единственное, что отличает последних, – это большая уверенность в возможности восстановления своего материального положения, и это при том, что они боятся потерять работу не меньше, чем другие, они чаще не сомневаются в способности найти работу не хуже нынешней.

¹⁵ Медианное значение – 20 тыс. руб.; верхний квантиль – свыше 30 тыс. руб.

Человеческий капитал

Основными видами вложений в человека являются образование, производственная подготовка, инвестиции в здоровье, миграция, поиск информации на рынке труда¹⁶, и по всем указанным позициям фиксируются значительные диспропорции среди разных групп респондентов. Ксенофобные установки больше характерны для лиц, не получивших достойного образования: если среди гиперинтолерантных лишь каждый пятый имеет высшее образование (а среди гипointолерантных – каждый четвертый), то среди толерантных – каждый третий (таблица 1).

Полученное образование характеризует общий человеческий капитал: знания и навыки представляют ценность безотносительно того, где они были получены, так как могут находить применение во множестве различных мест. Наряду с общим выделяют и специфический человеческий капитал – специфические знания и навыки, которые могут использоваться только там, где были получены [Капелюшников, Лукьянова 2010, с. 10]. Носители толерантных установок выделяются и здесь: свой профессионализм¹⁷, отчасти характеризующий специфический капитал, отметили более половины (52,6%) толерантных против 44,2% гиперинтолерантных (колеблющиеся и гипointолерантные – 46,4% и 45,9% соответственно).

Особо необходимо подчеркнуть различное отношение к собственному здоровью: приверженцы ксенофобных установок чаще, по сравнению с толерантными респондентами, отмечают плохое самочувствие (таблица 7).

Таблица 7. Состояние здоровья (распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете свое здоровье? Оно у Вас...»), % опрошенных

Состояние здоровья	Толерантные	Колеблющиеся	Гипointолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
очень хорошее	2,0	1,8	1,6	2,6	1,9
хорошее	41,7	36,3	32,3	31,5	35,9
среднее, не хорошее, но и не плохое	46,4	49,0	51,0	51,8	49,2
плохое	8,6	10,4	12,5	10,2	10,6
совсем плохое	0,7	1,4	1,8	3,3	1,5
3/о, отказ, нет ответа	0,5	1,0	0,8	0,6	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹⁶ Помимо перечисленных видов вложений, также рождение и воспитание детей, но данные виды инвестиций ниже не рассматриваются.

¹⁷ С 7-й по 9-ю позиции по 9-балльной шкале «лестницы профессионального мастерства», самооценка.

Однако объективные оценки не дают оснований утверждать, что состояние их здоровья столь плохо, как они об этом говорят: доля лиц с хроническими заболеваниями и имеющих инвалидность практически не различается во всех группах респондентов. (Учтем также, что приверженцы ксенофобных установок, как правило, моложе своих антиподов).

А вот отношение к своему здоровью заметно различается у разных групп. Это и курение – курят 39,0% гиперинтолерантных, тогда как среди толерантных курящих – 23,3%. Это и потребление алкоголя, культура его потребления: гиперинтолерантные начинают пить в более раннем возрасте, пьют чаще, пьют больше и менее качественные напитки, чем представители других групп.

Еще более заметны различия в инвестициях в собственное здоровье: среди толерантных в 1,5–2 раза больше, чем среди интолерантных, занимающихся спортом, посещающих фитнес-центры, увлекающихся танцами, аэробикой, шейпингом и другими видами физической активности.

Что же касается инновационных форм вложений в человеческий капитал, то толерантные респонденты в 1,4 раза чаще заявляют о знании иностранных языков, чем гиперинтолерантные. В то же время компьютерная грамотность респондентов разных групп практически одинакова (хотя толерантные несколько чаще используют компьютер для работы и учебы, чем гиперинтолерантные – 64,6% против 57,7% соответственно). Также отсутствуют различия и в миграционном опыте, играющем важную роль в накоплении человеческого капитала.

Вероятно, решающее влияние на формирование человеческого капитала оказывает образование, аккумулирующее и культурный уровень, и материальные дивиденды, и большую вовлеченность в социум. «Для взрослых с более высоким уровнем образования больше вероятность того, что они сообщат о хорошем здоровье¹⁸, что они участвуют в волонтерской деятельности, что они доверяют другим и что они чувствуют, что их мнение учитывается в процессе управления. Другими словами, взрослые с более высоким уровнем образования, как правило, более активно вовлечены в процессы, которые происходят вокруг них» [Education at a Glance 2015, p. 27]¹⁹.

Социальный капитал и доверие

Важными составными социального капитала являются наличие властных полномочий и уважение со стороны общества и окружения, синонимами которых выступают репутация и престиж. В этом плане можно говорить о существенных различиях в компонентах социального капитала в группах, различающихся уровнем этнической толерантности. Самооценки толерантных более высокие, чем у их антиподов: среди них вдвое меньше полагающих, что у них недостаточно властных полномочий, и соответственно в 2,5 раза больше заявляющих, что они обладают властью (таблица 8).

¹⁸ Лица, хорошо образованные (а среди толерантных таковых больше, чем среди интолерантных), лучше следят за состоянием своего здоровья, чем люди менее образованные [Капелюшников, Лукьянова 2009, с. 107; Тихонова 2008].

¹⁹ Образование положительно коррелирует с толерантностью, и эта связь передается следующему поколению, как подметил в свое время Г. Оллпорт. Но он пребывал в сомнении, связано ли это с чувством безопасности, навыками критического мышления или большим объемом знаний, и выражал несогласие с тезисом, что проблемы предубежденности – это проблемы недостатка образования [Allport 1954/1979].

Таблица 8. **Властные полномочия, самооценка (ответы на вопрос «А теперь представьте лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из ступеней находитесь Вы лично?»), % опрошенных**

Властные полномочия	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
небольшие (1–3 ступени)	24,8	37,8	41,4	50,2	38,1
средние (4–6 ступени)	62,3	51,7	52,6	43,8	52,1
большие (7–9 ступени)	11,3	6,8	4,3	4,6	6,6
З/о, отказ, нет ответа	1,5	3,7	1,8	1,3	3,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Не менее примечательны различия в оценке респондентами уважения со стороны окружающих: среди толерантных на порядок меньше сомневающихся, что они пользуются уважением других людей (таблица 9).

Таблица 9. **Уважение, самооценка (ответы на вопрос «Лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого уважают. На какой из ступеней находитесь Вы лично?»), % опрошенных**

Уважение	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
низкое (1–3 ступени)	1,2	4,3	5,3	8,5	4,4
среднее (4–6 ступени)	44,1	44,2	50,0	47,8	45,1
высокое (7–9 ступени)	51,7	45,6	41,2	39,1	45,0
З/о, отказ, нет ответа	3,0	5,9	3,5	4,5	5,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Дж. Коулман показал, что доверие выступает неотъемлемым элементом социального капитала, отражающего качество человеческих взаимоотношений и эффективность социальных связей [Коулман 2001, с. 125]. Исследования Р. Путнама, предложившего индекс социального капитала и обнаружившего самую высокую корреляцию между доверием и другими компонентами индекса, позволяют признать доверие «ядром общественного капитала», «самой ценной разновидностью общественного капитала» [Штомпка 2007, с. 266]²⁰. Социальный

²⁰ При этом не снимается вопрос о каузальности при использовании понятия «доверие» в трактовке Р. Путнама: неясно, является ли доверие предпосылкой формирования социального капитала или его следствием.

капитал, с одной стороны, предстает как некий потенциал общественного взаимодействия, являющийся результатом достигнутого доверия между членами сообщества, с другой – выражает накопленный запас социального капитала [Козырева, Смирнов 2010, с. 164]. Согласно результатам настоящего исследования, толерантные респонденты демонстрируют большее доверие как к ближнему, так и к более отдаленному окружению (таблица 10).

Таблица 10. Уровень межличностного доверия (распределение ответов на вопрос «Какому числу людей Вы доверяете в следующих группах...?»; доверяющие «всем» и «большинству»), % опрошенных

Уровень доверия	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
членам семьи	97,9	95,4	96,9	95,4	95,7
друзьям	97,5	89,7	88,2	74,4	89,5
коллегам ²¹	96,8	84,5	79,6	66,8	83,8
соседям	91,9	64,2	55,5	43,8	63,7
руководителям предприятия ²²	83,4	68,8	60,3	48,5	67,6

При кажущейся схожести масштабов доверия к членам семьи в разных группах респондентов все же фиксируются значительные расхождения: если среди толерантных всем членам семьи доверяют 87% респондентов, большинству членов семьи – 10,9%, то среди гиперинтолерантных – 79,6% и 15,8% соответственно.

Особенно заметны различия в уровне доверия разных групп респондентов к представителям других национальностей. Отметим три обстоятельства. Во-первых, наиболее многочисленная группа колеблющихся демонстрирует установки, более близкие к характерным для гипоинтолерантных, чем толерантных, в соотношении 1:1,7 (таблица 11). Во-вторых, каждый четвертый из них уклонился от ответа. В-третьих, хотя большинство колеблющихся респондентов (53,6%) не доверяют представителям других национальностей, тем не менее 27,8% доверяют им в той или иной степени. С учетом неопределившихся и уклонившихся от ответа в группе колеблющихся можно предположить, что толерантные установки присущи 25–33% россиян.

Низкий уровень межличностного доверия напрямую связан с формированием ксенофобных установок, когда «взаимное недоверие, подозрительность становятся одним из главных факторов, обуславливающих сохранение интолерантности в российском обществе» [Козырева, Смирнов 2010, с. 171].

²¹ Имеющие коллег. Разница между крайними позициями толерантных и гиперинтолерантных по уровню доверия сохраняется в иной формулировке вопроса («В какой степени Вы доверяете людям, с которыми Вы вместе работаете, коллегам?») и при более детализированной шкале.

²² Работающие. Разница между позициями толерантных и гиперинтолерантных сохраняется в иной формулировке вопроса («В какой степени Вы доверяете руководству Вашего предприятия, организации?») и при более детализированной шкале.

Таблица 11. Уровень доверия к представителям других национальностей, % опрошенных

	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Все группы ²³
Всем доверяете	12,1	3,0	–	3,0
Большинству доверяете	87,9	24,8	–	23,7
Доверяете меньшинству	–	34,3	69,0	36,0
Никому не доверяете	–	12,7	31,0	17,6
З/о, отказ, нет ответа	0,0	25,2	0,0	19,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 12. Уровень доверия к представителям своей национальности, % опрошенных

	Толерантные	Колеблющиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Всем доверяете	23,2	12,1	9,3	7,8	12,1
Большинству доверяете	71,6	57,3	55,7	45,6	57,4
Доверяете меньшинству	3,1	17,2	27,9	28,8	18,3
Никому не доверяете	0,5	3,3	4,7	14,7	3,7
З/о, отказ, нет ответа	1,5	10,2	2,4	3,2	8,5
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Межличностное доверие сказывается не только на прямых контактах с конкретными представителями этнических, мигрантских, религиозных и других меньшинств. Недоверие к конкретным людям распространяется на всю категорию людей, с которыми мы не сталкиваемся непосредственно, и только наше представление соединяет их в реальные сообщества – членов этнической группы, религии, расы и т.п. [Штомпка 2012, с. 117].

Самое удивительное, что полное отсутствие доверия к представителям других национальностей у сверхинтолерантных прекрасно уживается с пониженным (по сравнению с толерантными и другими группами респондентов) доверием к представителям своей национальности. 43,5% гиперинтолерантных в той или

²³ Включая гиперинтолерантных. Данные по ним не приводятся, т.к. критерием их выделения являлось полное неприятие людей других национальностей (т.е. 100% гиперинтолерантных никому не доверяют). Этой же причиной объясняется отсутствие данных по доверяющим среди гипоинтолерантных и недоверяющим среди толерантных.

иной мере не доверяют людям своей национальности, тогда как среди толерантных таковых на порядок меньше – 3,6%²⁴ (таблица 12).

Прослеживается четкая зависимость: высокий уровень доверия к одной группе с высокой вероятностью будет сопровождаться большим доверием и к другой (рисунок 1).

Доверие заразительно и распространяется как на людей, с которыми личность контактирует непосредственно, так и на сообщества, с которыми человек соотносит этих людей, а также на группы, существующие в его воображении. Справедливо и обратное: недоверие порождает недоверие и не только к этническим, но и социальным группам. Интолерантные респонденты, например, не верят в согласие людей, принадлежащих к разным социальным слоям: только 17,8% гиперинтолерантных респондентов считают, что взаимопонимание между богатыми и бедными возможно, противоположной позиции придерживаются 57,3% (среди толерантных 37,9% и 24,7% соответственно)²⁵.

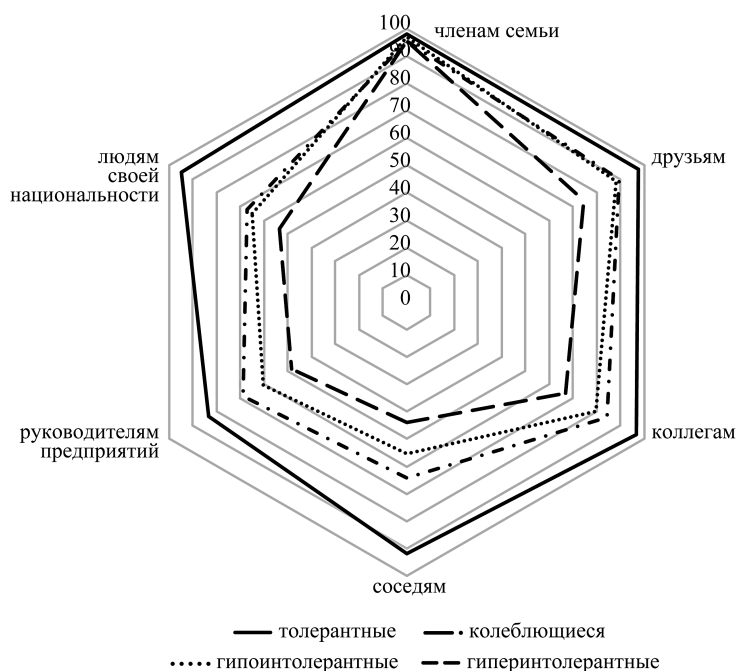

Рисунок 1. Уровень межличностного доверия респондентов с разными установками толерантности (распределение ответов на вопрос «Какому числу людей Вы доверяете в следующих группах...?»), % опрошенных

²⁴ В российском дискурсе термины «ксенофобы» и «националисты» часто используются как синонимы. Во-первых, из-за того, что этнический национализм – это идеология, основанная на идее превосходства «своей» этнокультурной группы над «другой» («другими»). Во-вторых, сама по себе ксенофобия является эмоциональной и психологической подпиткой национализма [Хабенская 2010, с. 53]. Однако сложно назвать националистом человека, негативно относящегося не только к представителям других этнических групп, но и к своей собственной; по этой причине не приемлема напрашивающаяся идентификация гиперинтолерантных с националистами.

²⁵ Варианты ответа: «уверены, что возможно», «пожалуй, возможно», «в чем-то возможно, в чем-то нет», «пожалуй, невозможно», «уверены, что невозможно», «затрудняюсь с ответом», «отказ от ответа»; «нет ответа». Объединялись подсказки 1 и 2, 4 и 5.

Исследования в российских регионах демонстрируют, что доверие и межэтническая толерантность взаимосвязаны: доверие участвует в формировании установок межэтнической толерантности, а межэтническая толерантность, в свою очередь, поддерживает установки доверительного отношения к людям [Дробижева 2014; Дробижева 2015, с. 48]. Анализ данных Европейского социального исследования (ESS) также свидетельствует, что межнациональная напряженность в обществе обратно пропорциональна фиксируемому уровню доверия его членов: чем больше уровень доверия, тем меньше межнациональная напряженность [Черныш 2015, с. 19–20].

Прямая связь между толерантностью и доверием имеет несколько объяснений, в нашем случае не являющихся противоречивыми. Во-первых, люди, обладающие большими ресурсами, будут более доверчивыми; особое значение играет индивидуальный капитал («уровень доверия к конкретным объектам соотносится положительно с уровнем индивидуального капитала» [Штомпка 2012, с. 308]). Во-вторых, вера в себя, настойчивость, высокая самооценка увеличиваются, по Н. Луману, вместе с высоким уровнем ресурсов и делают человека склонным к принятию риска, связанного с доверием к другим людям [Штомпка 2012, с. 308]²⁶. В-третьих, доверие можно рассматривать как генерализованный индикатор социализации индивида и эффективности социальных институтов: «я определил бы “доверие” как социальный механизм, характеризующий эффективность или значимость различных институтов общества, а способность различать границы их действия – как одно из свидетельств дееспособности или социализированности индивидов» [Гудков 2012, с. 41].

Идентичность

Идентичность индивида²⁷ имеет три неразделимых измерения: персональное, фиксирующее уникальность его личности, социальное, определяющее его в качестве члена специфической группы или структуры отношений, и человеческое, указывающее на принадлежность к сообществу людей [Parekh 2008, pp. 4,9].

Структура идентичностей респондентов с разными установками толерантности представлена на *рисунке 2*.

Носители толерантных установок чаще склонны идентифицировать себя со всеми группами людей, с которыми они коммуницируют в реальности или в своем воображении. Также обращают на себя внимание небольшие расхождения между группами респондентов, различающихся установками толерантности, в персональном измерении идентичности (возраст, занятие), при этом в социальном измерении, по определению менее конкретном, – существенно более заметные.

Но наиболее примечательны различия между носителями установок толерантности/интолерантности в «отрицании» идентичности – доле заявивших, что они «никогда» не идентифицируют себя с теми или иными социальными (социально-территориальными, социально-экономическими) группами (*рисунок 3*, см. на стр. 50).

²⁶ В этом же ключе заслуживает внимания подход А. Зелигмана, рассматривающего доверие как значимую степень уверенности в завтрашнем дне [Козырева, Смирнов 2010, с. 165].

²⁷ Идентичность понимается как ключевой элемент субъективной реальности, феномен, возникающий из диалектической взаимосвязи индивида и общества [Бергер, Лукман 1995, с. 279, 281].

Гиперинтолерантные, многие из которых придерживаются имперских взглядов и идентифицируют себя с Российской империей или СССР, существенно чаще отвергают гражданскую российскую идентичность, что можно понять, однако для них характерно также и большее отторжение региональной и поселенческой идентичности.

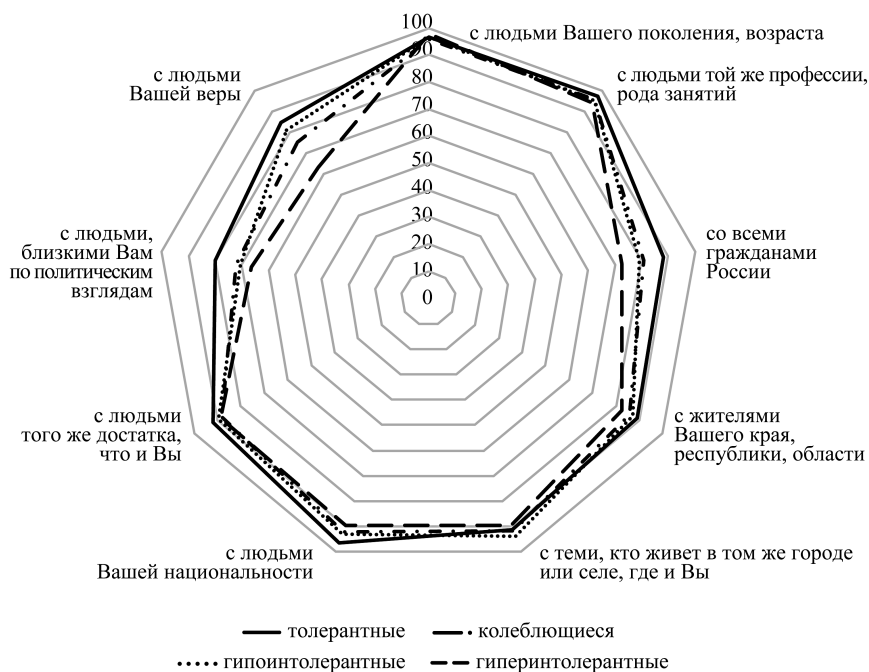

Рисунок 2. Структура идентичностей респондентов с разными установками толерантности (распределение ответов на вопрос «Как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать “это мы”?»²⁸, % опрошенных, ответившие «часто», «иногда»)

Каждый пятый из них не ощущает свою идентичность с людьми своей веры. Это объяснимо: 23,1% гиперинтолерантных являются атеистами, неверующими либо позиционируют себя «скорее неверующим, чем верующим» (против 16,1% среди гипоинтолерантных, 13,7% среди колеблющихся, 10,5% среди толерантных).

Особого внимания заслуживает отсутствие сопричастности (или слабая сопричастность) интолерантных респондентов с людьми своей национальности²⁹.

Позитивная этническая идентичность толерантных респондентов подтверждает тезис, что люди с такой идентичностью относятся к представителям

²⁸ Варианты ответа: «часто», «иногда», «никогда», «затрудняюсь с ответом», «отказ от ответа».

²⁹ Феномен «этнонигилизма» был подмечен у беженцев из Грозного, покинувших город в разгар военных действий (январь 1995 г.) и продемонстрировавших негативное отношение к собственной этнической группе. По мнению Г.У. Солдатовой, кризисная ситуация породила у ее жертв всплеск ксенофобных реакций без разбора на «своих» и «чужих» [Солдатова 2001], но, напомним, это были форс-мажорные условия.

других культур без вражды и предвзятости [Дробижьева (1) 2013, с. 16; Лебедева 1997]. Н.М. Лебедева, обобщая российские и зарубежные исследования, констатирует, что, во-первых, этнической интолерантности может способствовать неопределенность этнической идентичности [Лебедева 2011, с. 285], во-вторых, при сохранении позитивной этнической идентичности (как следует из контекста на неизменном уровне) возможен рост интолерантности [Лебедева 1997; Лебедева 1999, с. 35]. Однако в нашем случае (применительно к гиперинтолерантным и гипointолерантным) фиксируется не просто неопределенность, а отстраненность от своей этнической группы («никогда не чувствую единство с людьми своей национальности»). Кроме того, феномен негативной идентичности³⁰ отмечается и при низкой позитивной этнической толерантности. Вероятно, во-первых, правы авторы, полагающие, что «фиксируемость на национальном вопросе и активные негативные реакции связаны с проблемами, возникающими при формировании собственной национальной идентичности, и механизмами эго-защиты» [Зинченко, Логинов 2011, с. 339–340]. Во-вторых, перефразируя Н.М. Лебедеву, в неблагоприятных социальных условиях активизирующиеся механизмы психологической защиты могут продуцировать этническую интолерантность (негативную этническую идентичность), независимо от позитивной этнической идентичности [Лебедева 1999, с. 35].

Рисунок 3. Отрицание идентичности респондентами с разными установками толерантности (распределение ответов на вопрос «Как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать “это мы”?»), % опрошенных, ответившие «никогда»

³⁰ В интерпретации Л.Д. Гудкова [Гудков 2000].

Удовлетворенность жизнью

Удовлетворенность жизнью – это представление о том, как люди оценивают в целом свою жизнь, а не сиюминутные чувства. Она является генерализованным индикатором самочувствия индивида в конкретном социуме³¹. Различия между разными группами респондентов в степени удовлетворенности жизнью чрезвычайно велики (таблица 13), а если нивелировать фактор возраста (группа менее толерантных респондентов моложе других групп), то эта разница будет еще больше.

Таблица 13. Удовлетворенность жизнью (распределение ответов на вопрос «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?»), % опрошенных

	Толерантные	Колеблящиеся	Гипоинтолерантные	Гиперинтолерантные	Все группы
Полностью удовлетворены	12,1	9,1	7,8	10,0	9,1
Скорее удовлетворены	55,6	42,2	38,1	26,0	41,7
И да, и нет	17,7	23,2	25,3	25,6	23,3
Не очень удовлетворены	12,1	18,3	20,8	19,9	18,4
Совсем не удовлетворены	2,3	6,4	7,7	18,2	6,8
З/о, отказ, нет ответа	0,1	0,8	0,3	0,4	0,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Исследования показали, что среди гиперинтолерантных респондентов неудовлетворенных своей жизнью больше, чем удовлетворенных. Немного лучше ощущают себя гипоинтолерантные, среди которых менее половины удовлетворены жизнью. И напротив, их антиподы, придерживающиеся толерантных установок, в подавляющем большинстве выражают довольство своей жизнью, и в той или иной мере не удовлетворен ею лишь каждый седьмой.

Заключение

Носители толерантных установок чаще выражают удовлетворенность работой, условиями труда, возможностями профессионального роста, у них меньше проблем со здоровьем, выше удовлетворенность собственной жизнью и гораздо лучшее социально-психологическое состояние. Их отличает отсутствие страха перед будущим, повышенная оценка самих себя и возможностей повлиять на свою жизнь, выраженное чувство контроля над своей жизнью при меньшем, по сравнению

³¹ Для справки: удовлетворенность жизнью россиян ниже среднего показателя среди стран ОЭСР (6,0 и 6,5 баллов по 10-балльной шкале соответственно) [Удовлетворенность 2015].

с другими группами, ощущении беспомощности, дефицита социальной поддержки ближайшего окружения, социально-психологической неудовлетворенности. Все эти характеристики присущи именно среднему классу [Тихонова 2008, с. 97–99, 105–109], являющемуся ядром носителей толерантных установок (особенно интеллигенция – специалисты высшей квалификации с высоким достатком, среди которых толерантные установки наиболее распространены).

Однако однозначно отождествлять толерантность со средним классом преждевременно. Во-первых, он немногочисленен, во-вторых, наряду с представителями среднего класса значительная часть толерантных – это представители более низких слоев с иными возможностями и иным образом жизни (особенно пенсионеры). В-третьих, средний класс не является образцом толерантных установок: ни образование, ни характер, ни оплата труда не сказываются на преубеждениях многих его представителей – крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена и офисные служащие в своих установках ничем не выделяются. Помимо этого, среди представителей среднего класса встречаются и сторонники ксенофобных настроений³², хотя возможно, ситуация меняется и сегодня не столь пессимистична, как десятилетие назад³³.

Терпимость, по мнению М. Уолцера, легче достигается в обществах, в которых отсутствует ярко выраженное экономическое неравенство, где работают социальные лифты и в которых сильны разного рода ассоциации. Как афористично заметил И.Дж. Дион (мл.) в рецензии на книгу М. Уолцера, «не может быть расовой справедливости без справедливости социальной» [Уолцер 2000, с. 71–74, 132]. В российском обществе, сталкиваемом с этими проблемами, сформировался значительный контингент людей с распыленной социальной стабильностью, одновременно живущих в обществе и вне его. Отсутствие материальной стабильности, неудовлетворенность работой, низкий уровень человеческого капитала, нежелание или неготовность к инвестициям в него, небольшой социальный капитал способствуют выработке установок недоверия, специфическому формированию структуры идентичностей индивида. В условиях атомизированного общества это продуцирует потерю ориентации в социальном пространстве, недооценку себя и своих возможностей, социальный пессимизм³⁴. Неуверенность и социальные страхи порождают ксенофобные установки, дающие такому индивиду четкие социальные ориентиры в пространстве «свои – чужие», канализируя раздражения и фрустрации, особенно у дезадаптированной части населения [Гудков 2005].

Складывается впечатление, что не столь значимо само состояние межнациональных отношений: даже среди гиперинтолерантных лишь 7,2% полагают, что межэтнические отношения в их поселении плохие³⁵, среди гипоинтолерантных – 3,7%. Незначима даже роль контактов с «иными»: областные центры (но не столицы) являются вотчиной приверженцев толерантных установок, тогда как среда обитания гиперинтолерантных – это города меньшей величины, с меньшим этни-

³² Например, среди гиперинтолерантных 15% респондентов с образованием не ниже среднего специального, с доходом выше медианного, не занимающиеся физическим трудом (относящиеся к группам 1–5 по ISCO-08).

³³ «Для среднего класса не характерна и более высокая, чем в других слоях населения, толерантность к “чужим”, а о смягчении дихотомии “мы – они” пока нельзя говорить даже как о нарождающейся тенденции» [Тихонова, Мареева 2009, с. 281].

³⁴ Л.Д. Гудков, подробно рассматривающий этот феномен, говорит об «импринтинге неудачи» [Гудков 2000, с. 39].

³⁵ Группы 1–3 по 10-балльной шкале.

ческим разнообразием жителей³⁶. Вероятно, играет роль не присутствие или отсутствие «иных», а отсутствие в таких городах жизненных перспектив (пусть даже и надуманное), общая неустроенность бытия, воспринимаемые как персональная неудача.

Для людей определенного психологического склада, сталкивающихся с проблемами социальной инклюзии, интолерантность к представителям этнических, мигрантских, иных меньшинств – следствие их неприятия неопределенности и неустойчивости к фрустрации. Их ксенофобные установки распространяются даже на те меньшинства, которые в российском дискурсе никогда не рассматривались как чужеродные. Масштабы отторжения ими «иных», особенно представителей мигрантских меньшинств, поражают воображение, но это заслуживает отдельного исследования.

Литература

- Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. М.: Медиум.
- Горшков М.К. (ред.) (2016) Россия реформирующаяся: Ежегодник: сборник научных статей. М.: Новый хронограф.
- Гудков Л.Д. (2000) К проблеме негативной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5 (49). С. 35–44.
- Гудков Л.Д. (2005) Ксенофобия как проблема: вчера и сегодня // Независимая газета // http://www.ng.ru/ideas/2005-12-26/10_xenophobia.html
- Гудков Л.Д. (2012) «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. № 2. С. 8–47.
- Дробижева Л.М. (1) (ред.) (2013) Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня. М.: Российская политическая энциклопедия.
- Дробижева Л.М. (2) (2013) Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф.
- Дробижева Л.М. (ред.) (2014) ИНАБ № 2. Ресурс межэтнического согласия в Москве. М.: Институт социологии РАН // <http://www.isras.ru/publ.html?id=3292>
- Дробижева Л.М. (ред.) (2015) ИНАБ № 2. Межнациональное согласие в региональном контексте. М.: Институт социологии РАН // http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf
- Зинченко Ю.П., Логинов Ф.В. (ред.) (2011) Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. М.
- Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. (2009) Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). Аналитический отчет, Центр этнополитических и региональных исследований. М.: Институт открытого проектирования // <http://www.inop.ru/page143/page799/page611/page747/>
- Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л. (2010) Трансформация человеческого капитала в российском обществе (на базе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения»). М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Козырева П.М., Смирнов А.И. (2010) Доверие и его роль в консолидации российского общества // Горшков М.К. (ред.) Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение. М.: Новый хронограф. С. 160–199.
- Кон И.С. (б.г.) Ксенофобия // <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/39b2ae6b-5808-f305-18e2-134a355dd2ad/1012529A.htm>

³⁶ Как не вспомнить Г. Оллпорта: «Мало кто знает истинную причину своей ненависти к группам меньшинств» [Allport 1954/1979, p. 352].

- Коулман Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 121–139.
- Ксенофобные и националистические настроения россиян в 2015 году (2015). Презентация результатов обследований «Левада-Центра». М.: Сахаровский центр, 22.10.2015 (не опубликовано).
- Лебедева Н.М. (1997) Социально-психологическая аккультурация этнических групп. Дисс. докт. психол. наук. М.
- Лебедева Н.М. (1999) Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Ключ.
- Лебедева Н.М. (2011) Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс.
- Леонова А. (2004) Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // *Вестник общественного мнения*. № 4 (72). С. 83–91.
- Мигранты на российском рынке труда: за и против (2016) // ВЦИОМ // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643>
- Мукомель В.И. (2016) Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Горшков М.К. (ред.) *Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]*. М.: Новый хронограф. С. 411–467.
- Общественное мнение-2015 (2016) // *Левада-Центр* // <http://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2015/>
- Пипия К. (2015) Ксенофобия и национализм // *Левада-Центр* // <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>
- Пипия К. (2016) Интолерантность и ксенофобия // *Левада-Центр* // <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/>
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (1) (2016) (RLMS-HSE) // <https://www.hse.ru/rlms/>
- Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (2) (2016). Вопросник для взрослых, 24 волна // https://www.hse.ru/data/2016/05/24/1131627340/r24_A_for_user_v4.pdf
- Солдатова Г.У. (2001) Толерантность-интолерантность: две грани межэтнического взаимодействия // *Век толерантности*. № 1–2. С. 19–37 // <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-toler-intoler.php?PrPage=VT>
- Страхи и тревоги. Что больше всего тревожит россиян в повседневной жизни, в жизни страны и мира? (2016) // Фонд «Общественное мнение» // <http://fom.ru/Nastroeniya/12596>
- Тихонова Н.Е. (2008) Состояние здоровья среднего класса в России // *Мир России*. № 4. С. 90–110.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В. (2009) Средний класс: теория и реальность. М.: Альфа-М.
- Удовлетворенность (2015) // OECD. Better Life Index // <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/life-satisfaction-ru/>
- Уолцер М. (2000) О терпимости. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.
- Хабенская Е.О. (2010) Ксенофобия реальная и виртуальная // *Социологический журнал*. № 2. С. 50–67.
- Черныш М.Ф. (ред.) (2015) ИНАБ № 3. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации. М.: Институт социологии РАН // <http://www.isras.ru/publ.html?id=4194>
- Штомпка П. (2012) Доверие – основа общества. М.: Логос.
- Allport G.W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
- Dovidio J.F., Glick P., Rudman L.A. (eds.) (2005) *On the Nature of Prejudice: Fifty Years After Allport*, Blackwell Publishing Ltd.
- Education at a Glance 2015: OECD Indicators (2015) // OECD // <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2015-en>
- Parekh B. (2008) *A New Politics of Identity*, N.Y.: Palgrave Macmillan.

Xenophobes and Their Opposites: Who Are They?

V. MUKOMEL*

***Vladimir Mukomel** – Doctor of Science in Sociology, Chief Researcher, Head of Department for Migration and Integration Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Science. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskij St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: mukomel@isras.ru

Citation: Mukomel V. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii*, vol. 26, no 1, pp. 32–57 (in Russian)

Abstract

The decline in xenophobic attitudes in Russia between 2014–2015, which has recently been documented by some researchers, has a transient nature. Xenophobia acquires latent forms that go unnoticed in the public space. This article attempts to answer the following questions: who are the people with xenophobic attitudes and why are they hostile to outsiders? and who are their opposites, i.e. people who consistently support tolerant attitude towards foreigners? Empirically the article draws on Wave 24 of the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), the total sample size comprises of 15 200 respondents interviewed between October 2015 and January 2016 and 40 focus groups conducted by the Institute of Sociology, Russian Academy of Science (IS RAS) in five Russian regions in 2015. Depending on their attitudinal profiles respondents are first classified into four categories (“tolerant”, “swinging”, “hypo-intolerant” and “hyper-intolerant”) and further compared with respect to their typical socio-demographic profile, economic, human and social capital, the level of trust, and specific structures of identity. It is shown that intolerant individuals, particularly the “hyper-intolerant” are characterized by low levels of social capital and low levels of human capital, unwillingness or ill-preparedness to investment in human capital,. As a result a specific structure of identities develops among such people characterized by negative narcissism and social pessimism. In turn, uncertainty, frustration and the social fears experienced by such people are channelled away in the form of xenophobic attitudes. On the contrary, their opposites – tolerant individuals – are characterized by higher levels of human and social capital and social trust, which form the basis for their social optimism, self-confidence and higher levels of satisfaction with life as a whole.

Key words: xenophobia, tolerance, intolerance, hyper-intolerant, hypo-intolerant, nationalists, attitudes, trust, identities

References

- Allport G.W. (1954/1979) *The Nature of Prejudice*, Cambridge, MA: Perseus Books.
Berger P.L., Luckmann T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti* [Social Construction of Reality], Moscow: Medium.

- Chernysh M.F. (ed.) (2015) *INAB № 3. Sotsial'no-ekonomicheskie faktory mezhetnicheskoy napryazhennosti v regionakh Rossijskoj Federatsii* [Information and Analytical Newsletter. Social-economic Factors of Inter-ethnic Tension in the Regions of the Russian Federation], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=4194>, accessed 31 October 2016.
- Coleman J. (2001) Kapital sotsial'nyj i chelovecheskij [Social and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 121–139.
- Dovidio J.F., Glick P., Rudman L.A. (eds.) (2005) *On the Nature of Prejudice: Fifty Years After Allport*, Blackwell Publishing Ltd.
- Drobizheva L.M. (1) (ed.) (2013) *Grazhdanskaya, etnicheskaya i regional'naya identichnost': vchera, segodnya, zavtra* [Civil, Ethnic and Regional Identity: Past, Present, Future], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
- Drobizheva L.M. (2) (2013) *Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossijskoj Federatsii. Opyt 20 let* [Ethnicity in the Social-political Space of the Russian Federation: 20 Years Experience], Moscow: Novyj khronograf.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2014) *INAB № 2. Resurs mezhetnicheskogo soglasiya v Moskve* [Information and Analytical Newsletter. The Source of Inter-ethnic Consent], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3292>, accessed 31 October 2016.
- Drobizheva L.M. (ed.) (2015) *INAB № 2. Mezhnatsional'noe soglasie v regional'nom kontekste* [Information and Analytical Newsletter. Inter-ethnic Consent in the Regional Context], Moscow: Institut sotsiologii RAN. Available at: http://www.isras.ru/files/File/INAB/inab_2015_2_final.pdf, accessed 31 October 2016.
- Education at a Glance 2015: OECD Indicators (2015). *OECD*. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2015-en>, accessed 31 October 2016.
- Gorshkov M.K. (ed.) (2016) *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia], Moscow: Novyj khronograf.
- Gudkov L. (2000) K probleme negativnoj identichnosti [Negative Identity Revisited]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no 5 (49), pp. 35–44.
- Gudkov L. (2005) Ksenofobiya kak problema: vchera i segodnya [Xenophobia as a Problem: Past and Present]. *Nezavisimaya gazeta*, 26 December 2005. Available at: http://www.ng.ru/ideas/2005-12-26/10_xenophoby.html, accessed 31 October 2016.
- Gudkov L. (2012) «Doverie» v Rossii: smysl, funktsii, struktura [Trust in Russia: Meanings, Functions, Structure]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 2 (112), pp. 8–47.
- Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. (2009) *Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossijskom obshchestve (na baze "Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya")* [Transformation of Human Capital in the Russian Society (Based on RLMS)], Moscow: Institut otkrytogo proektirovaniya. Available at: <http://www.inop.ru/page143/page799/page611/page747/>, accessed 31 October 2016.
- Kapelyushnikov R.I., Luk'yanova A.L. (2010) *Transformatsiya chelovecheskogo kapitala v rossijskom obshchestve (na baze «Rossijskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya»)* [Transformation of Human Capital in the Russian Society (Based on RLMS)], Moscow: Fond «Liberal'naya missiya».
- Khabenskaya E.O. (2010) Ksenofobiya real'naya i virtual'naya [Real and Virtual Xenophobia]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, no 2, pp. 50–67.
- Kozyreva P.M., Smirnov A.I. (2010) Doverie i ego rol' v konsolidatsii rossijskogo obshchestva [Trust and Its Role in Consolidation of the Russian Society]. *Sotsial'nye faktory konsolidatsii Rossijskogo obshchestva: sociologicheskoe izmerenie* [Social Factors of Consolidation of the Russian Society: a Sociological Dimension] (ed. Gorshkov M.K.), Moscow: Novyj khronograf, pp. 160–199.
- Kon I.S. (n.d.) *Ksenofobiya* [Xenophobia]. Available at: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/39b2ae6b-5808-f305-18e2-134a355dd2ad/1012529A.htm>, accessed 31 October 2016.
- Ksenofobnye i natsionalisticheskie nastroyeniya rossiyan v 2015 godu* (2015). *Prezentatsiya rezul'tatov obsledovanij Levada-Tsentra* [Xenophobic and Nationalistic Attitudes of Russians in 2015. The Findings from Levada-Center's Surveys], Moscow: Sakharovskij tsentr.

- Lebedeva N.M. (1997) *Sotsial'no-psikhologicheskaya akkul'turatsiya etnicheskikh grupp* [Socio-psychological Acculturation of Ethnic Groups], Moscow.
- Lebedeva N.M. (1999) *Vvedenie v etnicheskuyu i kross-kul'turnuyu psikhologiyu* [Introduction to Ethnic and Cross-cultural Psychology], Moscow: Kluch.
- Lebedeva N.M. (2011) *Etnicheskaya i kross-kul'turnaya psikhologiya* [Ethnic and Cross-cultural Psychology], Moscow: MAKS Press.
- Leonova A. (2004) Nastroeniya ksenofobii i elektoral'nye predpochteniya v Rossii v 1994–2003 gg. [Xenophobic Attitudes and Electoral Preferences in Russia in 1994–2003]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, no 4, pp. 83–91.
- Migranty na rossijskom rynke truda: za i protiv (2016) [Migrants on the Russian Labor Market: Pro et Contra]. *VCIOM*. Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115643>, accessed 31 October 2016.
- Mukomel V.I. (2016) Adaptatsiya i integratsiya migrantov: metodologicheskie podkhody k otsenke rezul'tativnosti i rol' primamayushchego obshchestva [Adaptation and Integration of Migrants: Methodological Approaches to Appraisal of Effectiveness and the Role of the Recipient Society]. *Rossiya reformiruyushchayasya: Ezhegodnik* [Reforming Russia] (ed. Gorshkov M.K.), Moscow: Novyj khronograf, pp. 411–467.
- Obshchestvennoe mnenie-2015* (2016) [Public Opinion-2015]. *Levada-Tsentr*. Available at: <http://www.levada.ru/sbornik-obshchestvennoe-mnenie/obshchestvennoe-mnenie-2015/>, accessed 31 October 2016.
- Parekh B. (2008) *A New Politics of Identity*, N.Y.: Palgrave Macmillan.
- Pipiya K. (2015) Ksenofobiya i nacionalizm [Xenophobia and Nationalism]. *Levada-Tsentr*. Available at: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm>, accessed 31 October 2016.
- Pipiya K. (2016) Intolerantnost' i ksenofobiya [Intolerance and Xenophobia]. *Levada-Tsentr*. Available at: <http://www.levada.ru/2016/10/11/intolerantnost-i-ksenofobiya/>, accessed 31 October 2016.
- Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE* (1) (2016) [The Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)]. Available at: <https://www.hse.ru/rlms/>, accessed 31 October 2016.
- Rossijskij monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSHE* (2) (2016) [The Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)]. Voprosnik dlya vzroslykh, 24 volna [Questionnaire for Adults, 24th wave]. Available at: https://www.hse.ru/data/2016/05/24/1131627340/r24_A_for_user_v4.pdf, accessed 31 October 2016.
- Soldatova G.U. (2001) Tolerantnost'-intolerantnost': dve grani mezhetnicheskogo vzaimodejstviya [Tolerance and Intolerance: Two Facets of Inter-ethnic Interaction]. *Vek tolerantnosti*, no 1–2, pp. 19–37. Available at: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-toler-intoler.php?PrPage=VT>, accessed 31 October 2016.
- Strakhi i trevogi. Chto bol'she vsego trevozhit rossiyan v povsednevnoj zhizni, v zhizni strany i mira? (2016) [Fears and Alarms. What are the Sources of the Strongest Anxiety among Russians in Their Everyday Lives, the Life of Their Country and the World?]. *Fond «Obshchestvennoe mnenie»*. Available at: <http://fom.ru/Nastroeniya/12596>, accessed 31 October 2016.
- Sztompka P. (2012) *Doverie – osnova obshchestva* [Trust is the Foundation of Society], Moscow: Logos.
- Tikhonova N.E. (2008) Sostoyanie zdorov'ya srednego klassa v Rossii [The Health of the Middle Class in Russia]. *Mir Rossii*, no 4, pp. 90–110.
- Tikhonova N.E., Marseeva S.V. (2009) *Srednij klass: teoriya i realnost'* [Middle Class: Theory and Reality], Moscow: Alfa-M.
- Udovletvorennost' (2015) [Satisfaction]. *OECD. Better Life Index*. Available at: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/topics/life-satisfaction-ru/>, accessed 31 October 2016.
- Walzer M. (2000) *O terpimosti* [On Tolerance], Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi.
- Zinchenko Yu.P., Loginov A.V. (eds.) (2011) *Tolerantnost' kak faktor protivodejstviya ksenofobii: upravlenie riskami ksenofobii v obshchestve riska* [Tolerance as a Means of Counteracting Xenophobia: Managing the Risk of Xenophobia in the Risk Society], Moscow: Federalnyj Institut razvitiya.